

Весь субботний день я промаялся дома, слоняясь по квартире из комнаты в комнату. Что-то было не так, что-то не давало покоя. Прямо подмывало изнутри что-нибудь сделать и, в то же время, делать ничего не хотелось. Катька, не дождавшись моих ответных СМСок, начала названивать, но отвечать на звонки не было ни малейшего желания. На автопилоте то включал компьютер, то телевизор, то, вдруг, шел чистить зубы, несмотря на то, что они и так уже блестели, как у кота яйца. Опять телефонный звонок, уже шестой за сегодня, со светящемся на экране именем «Катя». Надо ответить, не успокоится же...

— Але...

— Блин, е-мое! Алекает он! — резанул по ушам звонкий Катин голос. Настолько звонкий, что пришлось отодвинуть трубку от уха подальше, иначе моя похмельная голова лопнула бы, забрызгав остатками мозгов недавно поклеенные мной обои. — Ты чего трубку не берешь?! Вчера обещал приехать — не приехал! Я звоню, сообщения пишу — не отвечаешь! Я же волнуюсь! Ты где?

— Дома...

— Ну а чего трубку не берешь?! Что случилось? С тобой нормально все?

— Не таракти, Кать, — прогундел я, массируя ломивший висок. — Нормально все со мной. Ты извини, я вчера не смог, и сообщить не смог, и вообще... Юбилей вчера был у начальника, ну и вот... В общем, я проснулся только...

— Понянятно, — протянула Катя. — Лечебная терапия тебе нужна. Скоро буду!

— Подожди, Кать, не надо мне терапии... — начал было я, но в ответ уже слышны были гудки отбоя.

Я раздраженно бросил трубку на диван. Кого ждешь — никогда не позвонят! Зато кто не особо нужен, те не только оборвут телефон, но еще и приедут. Я против Катерины, конечно, ничего не имел, но именно сегодня мне совсем не хотелось ее видеть. Она ураган, землетрясение и цунами в одном лице. Где Катька там всегда кипиш и бурная деятельность и, может быть, именно это мне в ней и нравилось... Но сегодня мои измученные тело и душа хотели только одного — покоя. Единственный человек, которого я хотел видеть, была Анастасия, по которой я весь день откровенно скучал, десятки раз прокручивая в голове воспоминания о прошедшей ночи. Весь день ждал от нее звонка, прекрасно понимая, что сегодня она и не позвонит. А может и вообще не позвонит... Так и сидел, как идиот, глядя на опрокинутую прошедшей ночью табуретку, которую за весь день не удосужился поставить на место, пока в квартире не прозвучал требовательный звонок в дверь.

Уже минут пять Катькина голова ходила ходуном у меня в районе паха, но достичь желаемого результата у нее не получалось. Я лежал, закинув руки за голову, глядя в потолок и не проявляя к процессу интереса. Наверное, так же лежал на своем диванчике Илья Ильич Обломов, размышляя о бренности бытия. Мои же размышления были грубо прерваны девичьим писком.

— Да что сегодня с тобой?! Где летаешь? У меня уже челюсть затекла! — Катерина требовательно смотрит на меня, возмущенно хлопая ресницами.

— Да ладно, Катюх, — потянул я ее к себе. — Давай уже спать будем. Не судьба, видать, сегодня...

— Я те дам «не судьба»! — Катя сместилась обратно и заняла исходное положение. — Я призову тебя к ответу!

«Ну чего уж теперь, призывай, раз такое дело», — подумал я и снова закинул руки за голову. Еще несколько минут яростного отсоса и Катюха с победным криком уже забирается сверху, поглядывая на меня коварным взглядом. Хотел, было, крикнуть «Насилуют!», но смирился с происходящим и поплыл по течению.

— Что случилось-то у тебя? — спросила Катя, укладывая голову мне на плечо, когда все уже закончилось. За окном уже давно стемнело. — Я же вижу, ты какой-то странный сегодня. На работе что-то не так?

— Да нет, все как всегда. Не знаю, Катюх, устал наверно. Мы же последний месяц почти без выходов вье... Кхм... Работали то есть.

— Закончили?

— Ага.

— А когда опять на работу?

— Не знаю. Позвонят.

— Значит теперь будем чаще видеться?

— Наверно... Давай спать, Катю, я и правда сегодня чего-то не того...

— Я вижу, — сказала Катерина и прижалась ко мне сильнее.

С Катей мы знакомы с института, который я бросил со второго курса. Но с ней мы связь не потеряли и продолжали встречаться вот так вот, для секса. Уж я не знаю, что она во мне нашла, но, я уверен, предложи я ей сейчас выйти за меня замуж, она не раздумывая согласилась бы. Но я был другого мнения, и жениться не помышлял. Особенно на Катюхе. Она мне была кто угодно, — подруга, товарищ, любовница, но не более того. Вот и сегодня, примчалась хрен знает откуда, накормила, приголубила, успокоила, еще и трахнула в придачу. И сейчас лежит, сопит, обнимает, несмотря на всю мою отстраненность и холодность...

Следующие два дня прошли в том же томлении, что и суббота. Из дома я почти не выходил, зато до блеска отскреб свою двушку. Такого порядка, как в эти дни, моя квартира не видела еще никогда и, наверное, была мне благодарна, потому что даже дышать в ней стало легче. Вечерами я таскался с друзьями в боулинг, намеренно проходя оба раза, — туда и обратно, — мимо дома Пузыря. Окна в их квартире были плотно зашторены и было ощущение, что в хатке никого нет. В боулинг я играть не умел. Швырнул бы шарик и попал бы куда угодно, только не по кеглям, но ходил чтобы чисто отвлечься. Ну и за компанию... А за компанию, поговаривают, и жид удавился...

Но во вторник под вечер она все-таки пришла. Я хоть и не обладаю экстрасенсорными способностями, но уже по звонку в дверь понял, что это Настя. И действительно, открыл дверь, она стоит, — балетки, джинсы, свободная блузка, — и неуверенно переминается с ноги на ногу.

— Пустишь?

— Шутишь что ли? — выдохнул я, пропуская ее в квартиру.

Она зашла, осматриваясь по сторонам, как будто первый раз попала в этот дом. Хотя, прошлое ее посещение моего жилища случилось ночью и при таких обстоятельствах, когда было не до разглядывания обстановки. Правда, они с Пузырем часто бывали в этой квартире раньше, когда я был еще юнцом безусым и жил с родителями, но это было давно и, как

говорится, неправда.

Я настолько сильно ждал встречи с Анастасией, что сейчас растерялся и не знал что сказать, поэтому ляпнул первое, что пришло в голову:

— Чай, кофе?

— Можно... — степенно кивнула Настя.

— Ну ты проходи давай, — засуетился я и подтолкнул ее в сторону кухни. — Ну так чай или кофе?

— Чай... Кофе вечером не пьют.

Стою, наливаю в чайник воду, глядя как Настя присаживается за стол и не знает куда деть руки. Сдался мне этот чай... Какой, на хрен, может быть чай, когда ты три дня ждал эту женщину, как индеец огненной воды? Я бросил чайник в раковину и метнулся к Насте. Вытянул ее из-за стола и крепко прижал к себе. Она первая накрыла мои губы поцелуем и мы, присосавшись друг к другу, попятились в сторону зала, где я еще загодя, на такой вот случай разложил диван. Он был шире и больше чем кровать... Да и вообще, удобнее на нем. Анастасия рухнула спиной на диван, я сверху на нее. Наши губы опять сомкнулись, а языки начали танцевать друг с другом какой-то неведомый танец. Видимо, Настя очень любила целоваться, потому что я несколько раз пытался сместиться губами ниже, но она не позволяла и постоянно тянулась своим ртом к моему. Через какое-то время я все-таки оторвался от нее, и задрал ей блузку, губами обследовал ту часть Настиной груди, которая была не скрыта бюстгалтером. Затем живот, пупок, и вот я уже пытаюсь стащить с нее джинсы, плотно облегающие ее крутые бедра. Это было не просто, но вместе мы справились и джинсы полетели в сторону. Туда же полетели и блузка с лифчиком, а затем и ее милые белые трусики.

Той ночью я не разглядел Настину щелку, сегодня же мне ничего не мешало оценить ее во всей красе и по пятибальной шкале поставить ей твердую пятерку. Похожая на персик, с ровной прорезью посередине, из которой уже сочились выделения. И сегодня уже гладко выбритая. Анастасия попыталась сомкнуть ноги, все еще стесняясь показывать мне ее при свете, но я силой развел их в стороны и прижался губами к истекающей плоти.

Не зря я, всетаки, в свое время пытался учиться на филолога, язык у меня был подвешан. Через несколько минут Настя, вцепившись пальцами мне в волосы, бурно кончила, елозя попой по краю дивана.

— Стас, скорее... Хочу тебя... — как в бреду пролепетала женщина.

Меня упрасивать не надо. Она еще и фразу не закончила, а я уже был в ней. Сегодня у нас все происходило чувственно и нежно, в отличие от прошлого раза, когда я был больше похож на сваебойную машину. Сейчас я откровенно любовался своей женщиной — как она прикрывает глаза, как прикусывает губу. Вот она слегка поморщилась, а вот ее полных губ коснулась легкая улыбка. А вот она уже кончает, закусив в очередной раз губу, обнимая меня, и крепко сжимая ногами мои бедра. Я тоже уже был почти готов, и выйдя из Насти, забрался ей на грудь. Она увидела перед собой головку члена и открыла рот. Несколько движений и все кончено.

— Ты бы знал, как я боялась к тебе идти, — говорила Анастасия, когда мы лежали вместе и курили одну сигарету на двоих.

— Почему? Я тебя жду третий день подряд, хоть бы позвонила... Я и сам хотел... И зайти уже

хотел...

— Боялась. И звонить боялась... Думала, приду, дура старая, а у тебя тут девок молодых вагон, а ты и думать про меня забыл.

— Перестань, какая ты старая...

— Значит, насчет дуры у тебя возражений нет? — засмеялась Настя. — Ладно, проехали.

Сергей вчера уехал на дачу, он теперь там все свободное время проводит... И вот я у тебя.

— Надо было вчера еще придти.

— Надо было...

— Сегодня останешься у меня, — безапелляционно заявил я.

— Как скажете, молодой человек. — Настя посмотрела на меня смешливыми глазами. — Ох, я, наверное, и правда дура старая...

— Да хватит тебе, — сказал я и накрыл ее губы поцелуем.

В эту ночь и я и Анастасия потеряли счет оргазмам. Особенно Анастасия. Довести эту женщину до пика не составляло особого труда, кончала она часто и бурно. Всю ночь скрипел диван, а на утро она упорхнула домой.

Так и понеслось.

Весь месяц мы трахались с ней как кролики при любом удобном случае. Подружка Катька была напрочь мной забыта, хоть она и пыталась еще позванивать и слать сообщения. Все мое внимание было приковано только к Анастасии. Я обнаглел настолько bestweapop , что иногда отпрашивался у Пузыря с работы под любыми предлогами и сломя голову летел к его жене. Отчаянно матерился в пробках, боясь упустить драгоценные минуты общения с противоположным полом, в лице Насти. Дорогая моему сердцу женщина за это время раскрепостилась и уже не стеснялась раздвигать передо мной ни ноги, ни ягодицы. И я был счастлив. Очень веселился, когда Пузырь залазил в свою машину и все удивлялся, как он там помещается вместе со своими рогами. Но, как оказалось, бесшабашное веселье чаще всего заканчивается лютой грустью...

В очередной выходной, когда Пузырек опять свалил на свою дачу керосинить со своими друзьями, я решил нанести визит скучающей дома Настене. Она открыла мне дверь, запустила внутрь и поцеловав, сказала:

— Жди пять минут, домою посуду... — и убежала на кухню.

Я ввалился вслед за ней и обнял ее сзади.

— Ну Стас... — дернула она попой. — Подожди две секунды. И вообще, иди к себе, я сама к тебе приду.

Мы никогда не придавались утехам в доме Пузыря, всегда только у меня. Чувство опасности имеет свойство со временем притупляться, если все «шалости» безнаказанно сходят с рук. Сегодня меня била нетерпячка и я решил взять Анастасию прямо тут. Хотябы вот на этом обеденном столе, почему бы и нет... Крепче прижался пахом к Настиной попе, и задрал подол легкого платья, сунул руку ей между ног.

— Да прекрати ты, ненасытный мой... — слабо возразила Настя, а сама уже бросила посуду и вцепилась руками в края раковины.

Анастасия быстро была уложена грудью на стол, подол задран на спину, а ее трусы спущены с бедер до колена. Я присел перед ее попой и в который уже раз за этот месяц присосался к ее половым губам. У нас с ней за это время уже был выработан план действий. Сначала я

доводил ее до оргазма языком, а потом с ней можно было делать что угодно. Вот и сейчас, как только Настя кончила, я тут же влетел в нее и заработал бедрами под шум хлещущей из крана воды, которую впопыхах никто закрыть не догадался. Кухня наполнилась глухими стонами и шлепками ударяющихся друг об друга двух тел. Кайфушечка... Как же я люблю свою Анастасию, прям словами не передать. Милейшая женщина, и готовит вкусно. Я повернул голову в влево... Блядь, лучше бы не поворачивал...

В дверном проеме, ведущем на кухню, стоял Пузырь собственной персоной. Глаза у него были с пятирублевые монеты образца 2012 года. Спросите, почему именно 2012? Хрен знает почему... Стоит он, держит в руках ключи от машины, смотрит молча и только, как рыба, открывает и закрывает рот. Я вогнал член на всю длину в Настю и так и замер на месте. Анастасия, почуяв неладное, тоже посмотрела в сторону входа...

Все, пиздец, картина маслом.

Пузырь, постояв пару секунд с открытым ртом, все так же молча, вышел в зал. Настя спрыгнула со стола и села на стул, прикрыв рукой рот и глядя на меня широко раскрытыми глазами. Я застегнул ширинку, поправил футболку и вышел из кухни. Пройти мимо зала, не попавшись на глаза бригадиру, было невозможно в силу планировки квартиры. Да я и не собирался убегать. Посмотрел на Пузыря. Он стоял напротив, глядя мне в глаза и сжимая кулаки до белых костяшек и, скорее всего хотел дать мне в морду. Мне не составило бы труда уронить и двоих таких, он это прекрасно знал, и просто развернулся ко мне спиной.

Меня в бок начала пихать Анастасия, выталкивая в коридор, и дальше, ко входной двери.

— Стас, уходи... Уходи, ради бога... Я тебя прошу... — мямлила она и я вышел за дверь.

В понедельник, часов в десять утра, мне позвонил Пузырь и механическим голосом сказал:

— Приезжай на работу.

Я приехал на объект. Работа кипела, экскаватор рыл яму под фундамент будущей автомойки.

Игорь, зять бригадира, выскочил мне навстречу:

— Ты че, Стас, забухал что ли? На работу к обеду?

— Где Пузырь?

— В вагончике. Только он сегодня смурной какой-то...

Бригадир сидел мрачнее тучи. Увидев меня, поднялся и процедил сквозь зубы:

— Надеюсь, не надо объяснять почему ты здесь больше не работаешь. И скажи спасибо, что я отцу твоему ничего не скажу... Он бы тебе яйца оторвал. — Пузырь залез в карман, достал пачку денег и швырнул на грубо сколоченный стол одну бумажку. — Это вот тебе расчет.

Пятихаточка вам, сударь, получите-распишитесь. На большее не заработал... Все, выйди на хер отсюда.

Я посмотрел на одиноко лежавшие на столе пятьсот рублей и, проведя по своей небритой физиономии ладонью, сказал:

— Ты, Сергей Иваныч, настолько хитрый, что даже немножко долбоеб...

Зачем и к чему я это сказал я и сам не понял. Судя по виду, не понял и Пузырь. И хрен с ним, пусть ищет скрытые смыслы. Развернулся и вышел из бытовки, естественно, оставив пятихатку лежать на том же месте.

С Настей мне больше поговорить не случилось. Трубку она не брала, а заходить к ним я не стал. Сходил уже разок, хватило. Первую неделю я на нее злился, а потом понял, что так оно и к лучшему будет. При редких случайных встречах с ней на улице, я поначалу пытался хоть в

глазах ее что-то прочитать, потому что кроме «здрaсте» она мне ничего не говорила. Но и в глазах ничего прочитать было нельзя, она всегда отводила взгляд в сторону. И только Катька продолжала отправлять сообщения, и звонить, звонить, звонить...